

В. А. Зверев

БРАВЫ РЕБЯТУШКИ.

ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА О НОВОБРАНЦАХ ЦАРСКОЙ АРМИИ

Опубликовано: Зверев, В. А. Отдавали под барабан : заметки историка о новобранцах царской армии / В. А. Зверев // Воин России / М-во обороны РФ, Сиб. воен. окр. – 1992. – № 9 (июнь). – С. 8–9; Он же. «Бравы ребятушки» : заглянем в святцы / В. А. Зверев // Советский воин / М-во обороны РФ. – 1993. – № 2. – С. 63–65.

Давно замечено: старое добро и во сне хорошо. Сейчас вот трудно в военкоматах с призывниками. И здоровье у парней неважное, и образование недостаточное, у иных судимость за плечами... Смотрят офицеры на новобранцев, завидуют императорским «золотопогонникам». Раньше, небось, не знали, что такое радиация и «пэдэка», молодежь в армию приходила – косяя сажень а плечах, ростом под притолоку, особенно сибиряки. Малограмотные, правда, были парни. Но тут как посмотреть. В иных газетах теперь пишут, что при царизме Россия была чуть ли не самой образованной в мире страной. И очень набожной, а потому высоконравственной, без подростковой преступности.

В общем, по пословице: «Летось (прошлое) нынешнего лучше».

Я предлагаю читателям вместе со мной посмотреть, как на самом деле выглядели призывники из Сибири в период второй половины 19 – начала 20 веков. Каковы были их физическое развитие, уровень грамотности? Довольны ли были православные священники их благочестием и отношением к церкви. Речь пойдет в основном о молодежи из русской крестьянской среды, которая тогда давала львиную долю призывников.

Воспользуемся для изучения материалами окружных (уездных) рекрутских (воинских) присутствий – тогдашних «военкоматов». Материалы эти частично были обобщены, публиковались, но историки использовали их

до сих пор очень редко. Другие источники – воспоминания, отчеты чиновников, газетные корреспонденции – привлечем в качестве вспомогательных.

Что русскому здорово, то немцу – смерть

Призывали в российскую армию парней по достижении совершеннолетия, а оно наступало в 21 год. Даже после введения в 1874 году всеобщей воинской повинности «забривали лоб» далеко не всех: чего-чего, а численного недостатка в «нижних чинах» вооруженные силы не испытывали. Одна из причин, по которой давалась отсрочка от службы или полное освобождение от призыва, – плохое состояние здоровья или слабое физическое развитие.

В целом в течение всей «капиталистической» эпохи медики отмечали «благоприятное сочетание» высокого по тем временам роста и хорошего здоровья у молодежи, идущей на службу из сибирских губерний и областей. За малый «неуказный» рост здесь браковали всего до 25 человек из каждой тысячи представленных к набору. В течение десятилетия (1874–1883) в среднем по Сибири высокорослых юношей (выше 173 см) оказывалось при осмотре около одной пятой части, а малорослых (ниже 153) немногим более десятой части. Средний рост призывников из Сибири составлял примерно 165 см, при окружности грудной клетки 897 мм.

А как насчет прочих «телесных недостатков», а также «невозмужалости» и хронических болезней? Из-за всех этих напастей в период 1863–1868 годов не был рекрутирован в войска каждый одиннадцатый юноша, представленный к набору. В 70–80-х годах 19 века, когда набор стал более массовым, негодным к воинской службе оказался уже каждый третий-шестой.

Интересно, что по основным показателям здоровья и по росту молодежи (и, значит, всего населения) Сибирь в изучаемое время действительно находилась на одном из лучших мест в империи. Высокорослых призывников было больше только в Прибалтике и казачьих районах юга России.

Представить обстановку, в которой члены воинского присутствия вели освидетельствование крестьянских парней, нам помогут воспоминания чиновника Н. Зинина. На рубеже 80–90-х годов 19 века он руководил этой работой в Мариинском округе Томской губернии. «Много калек и больных сифилисом, так что пришлось принять разные предосторожности. Например, заставить всех подлежащих освидетельствованию вымыться в банях. Так как доктор прикасался к больным, то его мы особенно опасались, и для него клались особые ручки с пером черного цвета, до которых никто не решался дотронуться. Был весьма интересный инструмент для определения присутствия грыжи. Это пустая бутылка от вина. Каждый из освидетельствуемых должен был взять горлышко бутылки в рот, сжать губами и надуть ее, а мы в это время наблюдаем, выходит грыжа или нет. Призывники оказывались неловкими или брезгливыми и, не забирая горлышка в рот, дули в бутылку издали, тогда их поправляли. Я спрашивал доктора, нет ли другого способа исследования грыжи, но он находит этот способ самым простым и удобным. Бутылка всюду найдется, а другой инструмент вози с собою, да еще, пожалуй, чего доброго, забудешь взять».

Накануне Первой мировой войны медицинское освидетельствование призывников в России было улучшено. При осмотре явившихся на призыв теперь относили к одной из следующих групп: 1) негодные к военной службе – имеющие физические недостатки и заболевания, которые не могут быть устранены или требуют для своего лечения продолжительного времени, серьезной операции; 2) годные к службе на нестроевых должностях – лица, имеющие небольшие физические недостатки; 3) подлежащие отсрочке в

отбывании воинской повинности как еще недостаточно окрепшие; 4) годные по состоянию здоровья и физической крепости к службе в строю.

Врач А. Собкевич в свое время обобщил данные о юношах, освидетельствованных в 1913 году в сельской местности Томского уезда одноименной губернии. В этот уезд входили и северо-восточные районы современной Новосибирской области. Так вот, 17 процентов явившихся на осмотр было отнесено здесь к первой группе и 3 процента – ко второй, получило отсрочку еще на год 10 процентов. Иначе говоря, почти треть крестьянских юношей нельзя было считать по тем или иным причинам вполне здоровыми людьми.

У одной десятой части обнаружилась общая телесная слабость (недоразвитость) или глубокое расстройство общего питания организма, а у каждого пятого – физические недостатки и определенные болезни. Много было заболеваний и ненормальностей в строении конечностей, их повреждений топором, сельскохозяйственными орудиями и машинами. Далее по степени распространенности шли страдания глаз – трахома и ее последствия, лейкомы как результат перенесенной в детстве натуральной оспы, ослабление зрения вследствие внутриглазных заболеваний. Затем – ушные болезни, в большинстве являвшиеся застарелыми осложнениями от инфекций. В списке Собкевича фигурируют также душевные и нервные заболевания, хронические кожные, сердечные болезни, грыжи и другие страдания.

В том же 1913 году по Сибири в целом (в селениях и городах) полностью годными к службе в строю оказалось только 46 процентов лиц призывного возраста. Почти треть подлежала переосвидетельствованию, а остальные либо совершенно не годились к военной службе, либо были зачислены в ополчение 2-го разряда по болезням и телесным недостаткам.

Итак, несмотря на то, что некоторые показатели в Сибири, особенно в деревнях, выглядели лучше, чем в европейской части России, в нашем крае

было немало юношей и со слабым здоровьем. Не следует думать, будто избежавшие смерти в раннем детстве молодые люди были исключительными здоровяками. На организме многих из них оставалась печать несытого детства, перенесенных болезней, тяжелого труда в условиях сурового климата. Не были совершенными и санитарно-гигиенические навыки молодежи, приобретающиеся в семье.

По складам, так не грамотей

В воинских присутствиях обязательно регистрировалась грамотность новобранцев. Имевшие свидетельства об образовании получали льготу – сокращенные сроки службы, студенты – отсрочку от призыва. В основном являвшиеся к набору были вовсе неграмотными, а объявившиеся «грамотными» в большинстве случаев на льготу рассчитывать не могли, поскольку не окончили даже начальной школы.

Со временем, конечно, доля «грамотеев» среди призывников росла. Приведу цифры по Томской губернии. К 1880 году из общего числа поступивших в армию и не имевших льгот по образованию здесь было около 10 процентов грамотных, а в 1904 году (шла русско-японская война) – третья часть. В годы Первой мировой войны среди «взятых под красную шапку» по Сибири в целом оказалась уже половина грамотных. При этом образовательный уровень сибиряков считался одним из самых низких. В среднем по Российской империи к 1914 году грамотными себя называли более двух третей новобранцев.

Вот как передает рассуждения своих односельчан из Минусинского уезда Енисейской губернии начала 20 века о пользе образования автор интереснейших мемуаров Игнатий Ростовцев. «Хочешь не хочешь, а хоть парнишек приходится учить. Потому что пришли такие времена, что без грамоты стало как без рук. То письмо откуда-нибудь придет, то самим надо

кому-то написать. Каждый раз надо ходить да кланяться. А не дай Бог война. Сколько народу угонят в солдаты. Тут уж неграмотному человеку совсем беда. Увезут куда-то – и ни слуху, ни духу. Может, на счастье и придет искалеченный. А то и совсем сгинет на чужой стороне. Как в воду канет. А грамотный человек все-таки весточку подаст».

Конечно, если отдельно рассматривать сельскую местность, показатели грамотности призывников окажутся еще меньше, да и качество их образования – хуже, чем у горожан. При наборе 1913 года из селений Томского уезда призывная комиссия установила: только четверть новобранцев умела и читать, и писать. Еще 18 процентов, хотя и знали буквы, но ни писать, ни даже быстро и связно читать не могли. Совершенно неграмотными оказалась почти половина явившихся на призыв (о грамотности 8 процентов источник сведений не дает).

Очень важный момент: служба в армии являлась одним из источников пополнения гражданского населения грамотными людьми. Дело в том, что после введения всеобщей воинской повинности обучение грамоте во время службы стало обязательным для всех солдат и матросов. И вот результат: к концу 19 века на воинской службе приобретали грамотность около 8 процентов общего числа российских и сибирских «грамотеев». Не ахти каким мудреным было солдатское образование, но все же иные отставные военные, возвратившись домой, сами начинали преподавать в «домашних» и официальных школах.

По воспоминаниям Федора Останина, выросшего в селе Сидорка Барнаульского уезда Томской губернии (это в Кулундинской степи), его отец стал первым в здешних местах учителем. Мужики-односельчане знали, что он грамотный, и как-то на сельском сходе обратились к нему с просьбой: зимой учить ребят. Они «откупят» горницу для занятий, будут покупать для школы буквари и бумагу, карандаши, платить учителю 10 рублей в месяц.

Останин-отец стал грамотным на службе в армии в начале 1890-х годов. Свободно читал книги, сам писал письма и говорил с гордостью, что «овладел всеми четырьмя правилами арифметики». Его сын, тоже работавший позже учителем, «всю свою сознательную жизнь поражался: как же эти ничтожно малые крохи грамотности отразились на судьбе деревенского парня и даже его детей! Какая же это могучая сила, даже самая элементарная грамотность! До прихода отца домой уже вся почти деревня знала: Митрий в солдатах научился писать и читать. Конечно же, это было тогда достойно удивления и зависти».

Чья душа в грехах, та и в ответе

Вот вам еще одна цифра из военно-призывной статистики. В начале 1880-х годов среди новобранцев православного исповедания из Западной Сибири доля не бывавших в церкви на главных таинствах – у исповеди и причастия – в течение года и более равнялась 97 (да, девяносто семи!) процентам. Почти половина парней вообще ни разу в жизни или по крайней мере в последние пять лет перед призывом не исповедовалась и не причащалась. Мало кто знал и мог пересказать все библейские Божьи заповеди: хорошо, если из сотни «призывных» – 2–3 человека. Такая ситуация была типичной для Сибири в течение длительной исторической эпохи, и она невыгодно отличала наш край от центральной полосы России, где население было в целом более набожным.

Конечно, речь здесь не может идти о широком распространении атеизма. Почти все русские крестьяне и большинство горожан искренне считали себя православными христианами. Однако религиозность сибиряков обычно не проявлялась в особой внешней набожности, церковь они посещали только по большим праздникам. К тому же вера народа не совпадала с официальным церковным учением, – в ней было немало пережитков язычества, разных суеверий. И еще – стойкое отчуждение слишком многих от церковного

клира. Отчуждение, вызванное и частыми конфликтами при взимании с прихожан церковной руги, и поборами причта при отправлении треб, и дурными нравами иных церковнослужителей. Да и просто малым количеством церквей в обширном, быстро заселяющемся крае. Согласно докладам епископов Святейшему Синоду, от половины до двух третей и более жителей сибирских селений не подходили к исповеди больше года, а иногда и по 10–20 лет.

Высокопоставленные священники не раз обсуждали, как эффективнее влиять на воспитание и образование подрастающих поколений, но на практике слишком часто снова и снова пытались силой принудить молодежь к посещению храмов. В деревнях «нерадеющих» вызывали в церковь через волостных старшин и сельскую полицию, отказывались венчать брак без предварительной исповеди, задерживали выдачу паспортов на отлучку. Высокую нравственность такими мерами вряд ли воспитаешь...

И вот все чаще жалуются по сибирским селениям старики и почтенные люди, что «молодытник совсем вышел из повиновения и творит, что ему угодно». Во время призывных кампаний случаются пьяные дебоши и драки. В 1914 году массовые мобилизации на фронт сопровождались разгромами административных зданий – волостных правлений, тех же воинских присутствий, а также торговых и винных лавок, порубками и поджогами лесов, избиением должностных лиц. Эти события до сих пор числятся по «ведомству» классовой борьбы, а надо бы их рассматривать и по уголовной линии тоже.

Однако все же призыв на мировую войну – событие не рядовое, особенное, и разговора он требует особого. А в мирное время прощание с «некрутами» обычно происходило по-иному. Снова вспоминает Игнатий Гаврилович Ростовцев: «После прощального завтрака с участием всей родни начинается обряд прощания. Рекрут кланяется земным поклоном тятеньке и мамоньке и просит у них родительского благословения. Отец и мать со

слезами благословляют сына на дальнюю дорогу, на тяжелую солдатскую долю. Если новобранец женат, он клянется своей молодой жене тоже земным поклоном, просит прощения за все свои обиды и наказывает ей оставаться ему верной женой. Потом он клянется поясным поклоном всему честному народу, пришедшему на его проводы, и просит не поминать его лихом, если ему придется сложить свою головушку на чужой стороне».

Нет, не было в прошлом золотого века. И в позапрошлом тоже не было, и в будущем он вряд ли приключится. Со слезами на глазах уходили в русскую армию и в большинстве случаев честно служили наши прадеды и деды. Нет никакого смысла ни приукрашивать, ни метить черным клеймом их самих и ту эпоху, в которую им выпало трудно жить, а случалось, и погибать за Родину. Теперь наш черед. Сможем ли жить и служить хотя бы не хуже дедов? Не хуже тех, которые тоже когда-то были молодыми...